

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЧАСТЬЕ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассмотрены культурные и лингвистические различия между Россией и Китаем относительно понятия «счастье», определено, какие составляющие наполняют концепт «счастье» в русской и китайской народной традиции.

Ключевые слова: счастье, концепт, удача, благодарность, благопожелание, долголетие, богатство, спокойствие, добродетель.

Zhou Xiaofan, N.V. Laguta

Blagoveshchensk, Amur State University

HAPPINESS REPRESENTATION IN RUSSIAN AND CHINESE NATIONAL TRADITION

The article discusses the cultural and linguistic differences between Russia and China regarding the concept of happiness, determines which components fill the concept of happiness in Russian and Chinese folk traditions.

Keywords: happiness, concept, luck, gratitude, benevolence, longevity, wealth, tranquility, virtue.

doi 10.22250/WFDA.2020.16.15

Концепт «счастье» так или иначе находит выражение в любой культуре. Представители каждого этноса вкладывают свой сакральный смысл в такое, казалось бы, обобщенное понятие.

В данной работе не случайно выбраны для изучения представления о счастье именно в китайской и русской национальной традиции. Ведь несмотря на близкое соседство и множество схожих взглядов, язык и культура двух стран поражают своей индивидуальностью и различиями. Интересно рассмотреть, какой смысл присущ одному и тому же понятию у разных народов.

В Китае «счастье» – философское понятие, которое зависит от мировоззрения каждого человека. В большей степени заметно влияние религии в целом и в частности конфуцианства на отношение китайцев к счастью. Синтез западной и восточной культуры – одна их характерных особенностей Китая.

Русская языковая картина мира имеет схожие с китайской черты, однако в ней имеются некоторые особенности. Русский человек так же, как и китаец, считает счастье философским понятием. Он готов пойти на любые трудности ради достижения истинного счастья. Но, если человек достигает этой цели, недопустимо демонстративно показывать его [1, с. 1491]. Русские пословицы достаточно метафорично передают этот запрет: *Счастье как стекло: когда светло, то и ломко; Счастье любит тишину.*

В русской национальной традиции счастье является довольно неоднозначным и противоречивым понятием. Так, характерной особенностью системы представлений о счастье в русском национально-культурном самосознании остается проблема морально-этической правомерности счастья. Это выражается в моральности и поиске духовного смысла человеческого существования. Для русского человека сложно восприятие счастья как такового, счастье нужно заслужить, оно должно прийти в благодарность за что-то: «Да, конечно, счастье необходимо, но какое есть счастье – случай – это бог с ним. Хотелось бы, чтобы счастье пришло как заслуга» [2, с. 114]. Эта мысль находит отражение и в пословицах: *Кто горя не видал, тот и счастья не знавал; Натерпишься горя - научишься жить.*

Другой характерной чертой понятия «счастье» у русских является так называемая проблема вины за счастье. Русскому человеку стыдно за то, что он счастлив, ему неловко от того, что он счастлив, в то время как у других людей бедствия и они страдают. «Счастье – это немного стыдно», – пишет Анна Зализняк [3, с. 167]. Народная культура это видит так: *Рок головы ищет; Совесть спать не дает.* Сомнение в нравственной возможности собственного счастья также не раз встречается в произведениях русской литературы. В повести Н.М. Карамзина «Марфа – посадница, или покорение Новгорода» жители Новгорода признают себя виновными, поскольку «дерзнули повиноваться законам своего блага», в то время как «Россия бедствует – ее земля обгащается кровью, веси и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются...» [4, С. 181].

Еще одной характерной чертой понятия «счастье» в русском понимании является противоречивость отношения к достижению состояния счастья. С одной стороны, человек хочет быть безмерно счастлив во всем, а с другой, давление общества и воспитание транслируют норму, что необходимо довольствоваться малым – находить счастье в мелочах. В этом случае счастье может пониматься как «простое человеческое», как возможность наслаждаться общедоступными благами: «Весело жить и весело думать о небе, о солнце, о зреющем хлебе и счастьем простым дорожить» [5, С. 356]. Парадокс в том, что счастье в глобальном обобщенном смысле представляется в виде всеобщего блага, человек может быть полноценно счастливым, когда счастливы все вокруг. Однако в этом виде счастье вряд ли осуществимо, поскольку невозможно всех несчастных сделать счастливыми.

Все сказанное позволяет сделать вывод о сложной природе концепта «счастье» и о неоднозначном трактовании исследуемого понятия в русской культурной традиции.

Рассмотрим представления о счастье в китайской народной традиции. В отличие от русских китайцы с древних времен считали счастье покровительством богов. Для того, чтобы быть счастливым, человеку необходимо было соблюдать нравственные принципы, почитать богов и предков. Тогда небеса даруют ему счастье [1, с. 1492]. В дальнейшем данное понятие претерпело трансформацию и счастье заключается уже не только в беспрекословном подчинении богам, но находит отражение в простых человеческих нуждах, гармонии с природой, а также духовном и материальном изобилии. Так, понимание счастья становится более глубоким и осмысленным.

Одним из элементов, отражающих представления китайского народа о счастье, является благопожелания 吉祥 [цзисян] – это пожелания счастья и благополучия. Изначально данная категория имела более узкое, бытовое значение – слово *цзисян* означало «счастливый

баран», т.е. людям для счастья достаточно было пропитания, в данном случае барана. В дальнейшем понятие приобретает собирательный образ, становится более обобщающим и широким – слово *цзисян* переводится как «счастье – хорошее дело». Пройдя исторические метаморфозы и вобрав в себя всю гармоничность и красоту мира, слово *цзисян* стало самостоятельно использоваться в пожеланиях со значением счастья, долголетия, а также успеха во всем. Здесь можно проследить духовный рост и развитие китайцев: от бытовых категорий они переходят к осознанию нравственных ценностей и находят счастье в достижении внутренней гармонии.

В китайском языке встречается такое понятие как 五福 [уфу] – «полное счастье». Само понятие *уфу*, которое переводится на русский язык как «пять компонентов счастья», является благопожеланием во всей своей полноте, подразумевается, что только при наличии всех пяти компонентов жизнь человека можно назвать полностью счастливой, т. е. *уфу* и есть счастье. В пять компонентов счастья входят такие понятия, как: 寿 [шоу] долголетие, 富贵 [фугуй] богатство, 康宁 [каннин] спокойствие, 好德[хаодэ] добродетель и 善终[шаньчжун] кончина в преклонные годы [7, с. 3]. Перечисленные понятия многослойны и имеют несколько аспектов. Ученик крупного ученого Чжу Си (1130-1200) династии Сун (960-1279) Цай Шэнь (1167-1230) давал вышесказанному следующую интерпретацию: «Обладая долголетием, человек может наслаждаться счастьем (остальными четырьмя благами), и поэтому долголетие открывает ряд компонентов счастья. Богатство – это служебное благополучие, карьера. Спокойствие – это отсутствие беды, несчастья. Добродетель – наслаждение истиной (Дао). А завершающим компонентом является кончина в преклонные годы» [6, с. 5].

Именно *уфу* является самым емким для современного Китая понятием счастья. Благопожелательный орнамент, включающий в себя разные грани «китайского счастья», можно увидеть в Поднебесной повсюду и сегодня. На зданиях, в помещениях, на машинах, одежде, украшениях, посуде, в виде картинки, бумажной вырезки, росписи, резьбы по камню, дереву и металлу встречается отражение того, к чему стремились люди и что они считали «счастьем» как тысячелетия назад, так и сейчас. Каждый такой элемент одновременно выполняет две важные в жизни китайцев функции: он украшает жилища в период праздников, неся собою радость и благопожелание, выступая оберегом на все случаи жизни, а также является проводниками нравственных идей и религиозно-моральных ценностей и устоев великой страны.

Таким образом, русским человеком счастье воспринимается с осторожностью, особенно если оно незаслуженно или случайно. Понятие «счастье» для русского человека представляет собой нечто абстрактное, расплывчатое, оно может выражаться в мелочах, простых человеческих радостях, может быть представлено в более глобальном значении, как всеобъемлющая категория – счастье всего народа, может быть наградой, заслугой за благие деяния. В свою очередь, в представлении китайцев понятие «счастье» имеет четкую сложившуюся структуру, представляющую собой комплекс понятий, взаимосвязанных и взаимозависимых. Они объединяются общим философским осмыслением и имеют ясный понятийный строй. Китайское представление о счастье связано с понятием о «пяти земных благах», к которым причисляются долголетие, богатство, здоровье, добродетель и естественная смерть. В современном Китае ощущение счастья для населения приобретает все большую значимость, все

больше и больше людей осознают, что счастье – это высшая ценность и конечная цель всякой человеческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов А.А. Хоречко У.В. Концепт «счастье» в понимании русских и китайцев. Отличительные черты // Молодой ученый. 2015. №10. С. 1491-1494. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/90/19151/>.
2. Пришвин М. М. Моим молодым друзьям / Москва : Изд.: Детская литература, 1989. 256 с.
3. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Наука. 2005. 544 с.
4. Карамзин Н. М. Предания веков: сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». М.: Просвещение. 1988. 765 с.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 т. Т.1. М.: «Художественная литература», 1987. 672 с.
6. Лань С. Чжунго цзясян ишу цуншу. Лу («Искусство благопожеланий Китая»). Карьера. Наньчан: Цзянси мэйшу чубаньшэ, 2004. 46 с.
7. Хуан Ц. Чжунхуа уфу цзясян тудянь «Фу» («Иллюстрированный словарь китайского орнамента «счастье»). Пекин: Хуаюй цзаосюэ чубань, 2003. 245 с.

УДК 81.11

Н.Г. Архипова, М.А. Куроедова

Благовещенск, Амурский госуниверситет

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ТЕЛЕ ЧЕЛОВЕКА В ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье выявляются лексико-семантические особенности русских соматических фразеологических единиц. Выявляется ряд лексических бинарных оппозиций, раскрывающих представления о человеческом теле как фрагменте русской языковой картины мира по данным фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, русская языковая картина мира, соматические фразеологизмы, тело человека, бинарная оппозиция.

N.G. Arkhipova, M.A. Kuroedova

Blagoveshchensk, Amur State University

REPRESENTATION OF THE BODY OF A HUMAN IN PROVERBS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article reveals the lexical and semantic features of Russian somatic phraseological units. A number of lexical binary oppositions are revealed, revealing ideas about the human body as a fragment of the Russian language picture of the world according to phraseological units.

Keywords: phraseological unit, Russian linguistic picture of the world, somatic phraseological units, human body, binary opposition.

doi 10.22250/WFDA.2020.16.16